

Хундаева Елизавета Очировна, Бадмацыренова Дарима Базарсадаевна

ТЕКСТОЛОГИЯ СПИСКОВ О ГЭСЭРЕ НА СТАРОМОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Статья раскрывает оригинальность бурят-монгольского литературного творчества, особенности бурят-монгольских версий и вариантов разноязычных сказаний о Гэсэре. Исследована текстология списков Гэсэриады на старомонгольской графике, среди которых наибольшее распространение получил ксилограф 1716 года. Авторы также выявили, что Гэсэриада включает сюжеты типично бурятские, монгольские, тибетские и другие, а также общефольклорные и общепобуддийские сюжеты. Основной сюжетный корпус Гэсэриады построен на общей основе. Межэтнические, межрегиональные литературно-фольклорные связи обусловлены генетической и историко-типологической общностью бурят, монголов, тибетцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 168-172. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **Спиридонов Д. В.** Типология метанарратива и некоторые вопросы семиотики повествования // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр: сб. ст.: в 2-х вып. Екатеринбург: Ажур, 2011. Вып. 1. С. 78-83.
13. **Ямпольский М. В.** Память Тиресия. М.: РИК «Культура», 1993. 464 с.
14. **Barnes J.** The Porcupine. London: Jonathan Cape, 1992. 212 p.
15. **Freiburg R.** Novels come out of life, not out of theories: an interview with J. Barnes // Conversations with J. Barnes. / ed. V. Guignery, R. Roberts. University Press of Mississippi, 2009. P. 31-52.

HERALDIC CONSTRUCTION OF INTERTEXTUALITY IN THE ASPECT OF TRANSLATION

Khar'kova Yuliya Vladimirovna

Bashkir State University

bardas@yandex.ru

The article provides comparative and translation analysis of the novel by J. Barnes "The Porcupine" containing the heraldic construction of intertextuality and its Russian translation executed by E. Khramov. For the first time the paper analyzes the peculiarities of translating the heraldic construction of intertextuality in a literary text. The writer uses the heraldic construction of intertextuality to multiply the intertextual relations with the pre-texts thus creating "the multi-layer" narration structure. Considering this construction when interpreting and translating allows transferring all shades of meaning of the original text.

Key words and phrases: heraldic construction of intertextuality; semantic chain of intertextual inclusions; intertextual element; adaptation; omission; translator's commentary.

УДК 82-13

Статья раскрывает оригинальность бурят-монгольского литературного творчества, особенности бурят-монгольских версий и вариантов разноязычных сказаний о Гэсэре. Исследована текстология списков Гэсэриады на старомонгольской графике, среди которых наибольшее распространение получил ксилограф 1716 года. Авторы также выявили, что Гэсэриада включает сюжеты типично бурятские, монгольские, тибетские и другие, а также общефольклорные и общепобуддийские сюжеты. Основной сюжетный корпус Гэсэриады построен на общей основе. Межэтнические, межрегиональные литературно-фольклорные связи обусловлены генетической и историко-типологической общностью бурят, монголов, тибетцев.

Ключевые слова и фразы: старомонгольская графика; ксилограф 1716 года; общефольклорные и общепобуддийские сюжеты; литературно-фольклорные связи; историко-типологическая общность.

Хундаева Елизавета Очировна, д. филол. н.

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
hundaeva@mail.ru*

Бадмацыренова Дарима Базарсадаевна, к. филол. н.

*Бурятский государственный университет
aldarbadma@gmail.com*

ТЕКСТОЛОГИЯ СПИСКОВ О ГЭСЭРЕ НА СТАРОМОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

К выдающимся памятникам бурят-монгольской литературы относится сказание о Гэсэре, дошедшее до нас в многочисленных письменных версиях и вариантах на старописьменном языке монгольских народов. Изучение книжного сказания о Гэсэре раскрывает оригинальность бурят-монгольского литературного творчества, особенности бурят-монгольских версий и вариантов в общей текстологии разноязычных сказаний о Гэсэре. Изучение эпоса и книжных сказаний предполагает анализ разных уровней текстовой структуры, принимая во внимание различные когнитивные, социальные параметры его создания. Это обусловлено тем, что дискурс эпоса и книжных сказаний о Гэсэре представляет собой не только текстовую структуру. Он является сложным коммуникативным явлением, включающим в себя социальный и исторический контексты, характеристику персонажей и различные особенности организации текста. Изучение сохранившихся письменных свидетельств помогает решению многих проблем, связанных с историческим развитием, источниками произведения. Знание вариантов и списков текста актуально, так как каждый текст – это этап в развитии произведения.

Кратко остановимся на истории изучения «Гэсэра» на старомонгольском письме. Был осуществлен анализ списка «Лин Гэсэр» и установлено, что он переведен с тибетской рукописи; была также дана характеристика монгольских вариантов [1]. Проведены текстологические наблюдения над шестью списками, которые в гэсэроведческой текстологии известны под такими краткими наименованиями, как ксилографический список, списки Жамцарано, Номч-хатан, Заинский, ойратские, второй том издания Внутренней Монголии. Так называемая «шойтеровская» рукопись опубликована В. Хейсигом [6, S. 43-47]. Она содержит две главы Гэсэриады: о воскрешении богатырей и битве с Андулма-ханом. Автор пишет, что эти главы идентичны соответствующим главам Заинского списка и второго тома издания Внутренней Монголии, только порядок глав в двух последних списках обратный. В. Хейсиг предполагает, что «шойтеровский» список представляет собой прототип повествуемых

в нем эпизодов. В 1972 году вышла статья Л. Лёринца, посвященная описанию версий Гэсэриады, хранящихся в Улан-Удэ, Улан-Баторе и Ленинграде [7]. В области сравнительно-текстологического изучения монгольских версий Гэсэриады были исследованы лишь отдельные монгольские списки.

Целью статьи является анализ текстологии списков Гэсэриады, написанных на старомонгольской графике и хранящихся в фондах разных стран. Среди монгольских списков Гэсэриады наибольшую известность в науке получил ксилограф 1716 года. Он составляет так называемую первую часть Гэсэриады, включающую семь глав. Имеется также большое количество списков, содержащих «дополнительные» главы или вторую часть Гэсэриады, которая была менее изучена по сравнению с первой. Дополнительные главы представлены неопубликованными списками, хранящимися в фондах разных стран, и опубликованными. В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (далее – ИМБТ СО РАН) (г. Улан-Удэ) хранятся более 20 неопубликованных монгольских списков Гэсэриады. В научной литературе имеются описания этих списков, а также их исследование (Л. Лёринц, 1972; К. Танака, 1963; Е. О. Хундаева, 1981; М. П. Хомонов, 1989).

Списки из рукописного фонда Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения (далее – СПбФ ИВ) (г. Санкт-Петербург) составляют 14 списков. В Монгольском фонде Государственной библиотеки Монгольской народной республики (далее – МНР) хранятся оригиналы изданных в МНР списков, а также рукописи отдельных глав. Последние близки к главам опубликованных списков. В ойратском фонде Института языка и литературы Академии наук МНР хранятся списки, близкие к вышедшим в свет в МНР ойратским рукописям. В 1960 году в МНР были изданы так называемые списки Номч-хатан, Жамцарано, Заинский, ойратские. Известны списки, напечатанные во Внутренней Монголии. В 1956 году во Внутренней Монголии опубликованы две книги Гэсэриады. Первая книга является перепечаткой ксилографа 1716 года.

Сравнительный анализ свидетельствует о том, что Гэсэриада включает сюжеты соответственно типично бурятские, монгольские, тибетские и другие, а также общефольклорные и общепобудийские сюжеты. Мотив о двух скалах, убивавших все живое, что находилось между ними, и которые Гэсэру удалось пройти, встречается в фольклоре многих народов. Подобный мотив имеется в тангутской легенде «Джалма-Нурму», где говорится о двух бодающихся скалах [3, с. 224]. Мотивы о стране, где много злых тварей и всякого другого зла, о времени, когда наступило полное благоденствие, о юноше, не сгоревшем в огне, не утонувшем в озере, обнаруживаются в тангутской легенде «Урджянь-рембучи» [Там же, с. 30]. В устной эпической традиции о Гэсэре, записанной в Тибете, есть мотив, имеющийся в первой главе эпоса. Зарезали овцу, мясо съели, затем кости сложили вместе и прикрыли шкурой. Овца вновь ожила [Там же, с. 24]. Возможно, из Тибета проникли следующие детали Гэсэриады: изображение рождения сестер главного героя «по-буддийски»: из темени, из правой подмышки, из пупка. Хормуста-хан в монгольском фольклоре, очевидно, появился значительно раньше, чем был зафиксирован в монгольской литературе. Небесным отцом Гэсэра в ладакском варианте тибетской версии является Хормуста, в других тибетских версиях – белый брахма [8, р. 153]. Но для монгольских народов более приемлемым мог оказаться Хормуста. В Гэсэриаде мы сталкиваемся с целой главой, посвященной Китаю. Мотивы, связанные с Китаем, могли проникнуть в Гэсэриаду, естественно, и без посредства именно Тибета, но обращает на себя внимание то, что в тибетской версии известна глава о Китае, аналогичная монгольской. Из тибетской версии могли проникнуть и персонажи буддийской религии: лама, Дзонхава, Ваджрапани, Манджушри, Махакала; такие буддийские понятия, как чиндамани, тарни, Ганджур и Данджур, сумэ (буддийские храмы).

Как известно, вопрос о жанрах в монгольской литературе и фольклоре периода средневековья не исследован с достаточной полнотой, сам по себе вопрос этот сложный, так как одни и те же произведения причисляются к различным жанрам. Это можно объяснить нечеткостью жанровых определений, синкретизмом многих источников старой монгольской литературы. Объясняется это также смешением художественных текстов с историческими сочинениями, реальных лиц с литературными героями, а также тем, что во внимание принимались лишь чисто внешние признаки (например, «судар» – «книга» в виде отдельных длинных, несброшюрованных листов). Субъективные данные о жанре в силу того, что новые жанры только сформировались, не успели еще получить надлежащей определенности (что и обусловило различную характеристику одного и того же произведения разными лицами). Сказанное в полной мере может быть отнесено и к монгольской Гэсэриаде. Ее главы имеют традиционное жанровое определение «тууж», которое трактуется как «повесть, сказание». Названия варьируются, но основным жанровым определением остается «тууж» – повесть, история. Наряду с этим определением нередко случаи употребления других названий, среди которых встречаются «цадиг» – «жизнеописание»; «судар» – сутра, книга. Лексикографы дают разные толкования термину «судар»: от буддийских сочинений до исторических и учебных, употребляется он и в значении «книга». Встречается название «намтар» – биография, описание жизни и деятельности известной личности. Очень редко встречается название «шастар» – поучение. Очевидно, одной из причин появления нетипичных жанровых определений, таких как судар, шастра и других послужили два фактора. Первый – подчеркнуть самостоятельность произведения, фактически представляющего часть целого (цикла о Гэсэре).

Поэтому новые жанровые наименования даются тем главам Гэсэриады, которые представлены отдельной рукописью с самостоятельным названием, например: «шойтеровская» рукопись или рукопись об Андулмахане [2]. Начало и конец этих рукописей изменены. Им придан вид самостоятельного произведения. Отдельными рукописями в основном распространены главы об оживлении богатырей и битве с Андулмаханом. Они чаще – по сравнению с другими главами – имеют дополнительные жанровые определения «цадиг», «судар» и другие. Второй фактор обусловлен идеологической обработкой той или иной рукописи. Именно по этой причине рукописи, содержащие отдельные главы, называются «шастар», «судар», или даже «кулгэн судар». В этих конкретных случаях в данные жанровые названия вкладывается религиозный, а именно буддийский,

отенок. Например, рукопись (М-П-827) называется «йэкэ кулгэн судар» (сутра «великой колесницы») [Там же], что говорит о её связи с буддийским махаянским учением. Действительно, в её тексте чувствуется буддийская обработка, ясно отраженная и в названии. Подобную функцию выполняет и название «шастра» в рукописи М-П-98. Подчеркивается её дидактическая направленность. Наиболее часто встречающимся, «традиционным» жанровым определением глав монгольской Гэсэриады, как это показывают многочисленные списки, все же остается «тууж» (повесть, сказание); другие жанровые названия встречаются сравнительно редко.

Перейдем к некоторым другим дискурсивным проблемам. Двухмерная плоскость «автор – адресат» не вполне выделяет третьего участника – инициатора текста. Мы часто сталкиваемся с таким явлением при изучении Гэсэриады. Дискурсивный анализ варианта Гэсэриады (сказитель П. М. Тушемилов) показывает идеологическую обработку конца улигера, в который вводятся новые персонажи, а именно образы Богдо Гэгэна и Панчен-ламы. Цель интродукции этих персонажей заключается в желании ввести элементы буддийской атмосферы в повествование, иначе говоря, осуществить буддийскую обработку значимой части текста. Можно привести пример ещё одного подобного явления. Ксилографическое издание монгольской, так называемой «пекинской», версии Гэсэриады, было осуществлено в 1716 году по замыслу императора Канси (Энхэ Амугалан) с идеологической целью использования факта популярности «Гэсэра» для привлечения монголоязычного населения на свою сторону и формирования лояльного к себе отношения, причём издана она была под видом «идеологически» выдержанного «Троецарствия». Причина этого заключалась в том, что «Гэсэр» был запрещен как не вполне приемлющий буддизм. Он был исконно культовым языческим произведением.

Все три участника коммуникации (инициатор – автор – адресат) являются как людьми «частными» со всеми их характерными особенностями, так и людьми «социальными», то есть членами общества, но отношения между ними неоднозначны и не всегда «прозрачны». Более корректным представляется положение, согласно которому порождение текста диктуется не только авторской интенцией, так как автор может выступать лишь посредником между инициатором текста и адресатом. Что касается публициста, то он выражает социальные или групповые интересы, но в то же время «говорит от собственного имени, проявляет себя как человек частный, то есть имеющий такие же интересы, как и его читатель, погруженный в быт, не чурающийся земных потребностей и т.д.». Инициатором может быть субъект, по чьему заказу пишется рукопись или печатается ксилограф. У буддистов очень часто были так называемые «донаторы», преданные верующие, которые давали деньги на издание буддийских сочинений. Автор выступает порой выразителем «чужой мысли». Иногда трудно вычленив инициатора в тексте и отделить от самого автора, поскольку теряется часть индивидуальности автора как «человека частного». Существует и несколько упрощенная схема их взаимоотношений:

Инициатор → интенция ↓

интенция инициатора → автор – текст – адресат

Автор должен иметь в виду модель потенциального получателя информации («эскиз аудитории» или «коммуникативный портрет адресата»). Учитывается общность когнитивных установок, а также общность языковых средств, система аргументации и выразительных языковых средств, обусловленных особенностями речевого поведения в той социальной группе, интересы которой отстаивает автор [5, с. 28]. Третий вид языковой личности, то есть адресат, является массовым, и, следовательно, не единичным феноменом. Естественно, предполагается согласованность параметров всех названных коммуникантов, которая обусловлена единством их ментальных, концептуальных, когнитивных и лингвостилистических установок или характеристик.

Текст эпоса обладает информативно-коммуникативными и интерактивными чертами, концептуальной цельностью и единством, наличием коммуникативных ролей, прагматической направленностью, что позволяет рассматривать его как материал для соответствующего восприятия и интерпретации. Представляет научный интерес исследование фоновых знаний, единых как для говорящего, так и для слушающего, а также многих вопросов, связанных с культурой и языком, символическими, культово-религиозными и художественно-эстетическими представлениями бурятского народа. Языковая личность сказителя как уникального субъекта, реализующего свой потенциал в деятельности, осуществляемой посредством языка и речевого поведения, вызывает живой интерес. Эта сфера деятельности дискурсивна по своей природе, поскольку во взаимодействии коммуникантов, ориентированных на определенные условия общения в рамках заданных обстоятельств, речь представляет целенаправленное социальное действие.

Изучение этих вопросов актуально для более глубокого и полного исследования языкового материала Гэсэриады, идейно-художественного содержания, поэтической структуры, в которых отразился взгляд на окружающий мир предков кочевых племен Центральной Азии и Южной Сибири. Исследование экстралингвистических и интралингвистических дискурсивных компонентов в Гэсэриаде является важным, так как оно помогает высветить все богатство и разнообразие поэтических идей и художественной эстетики произведения. Знание экстралингвистического дискурса эпоса имеет большое значение, оно является частью знания, касающегося монгольской культуры и всей жизни народа в целом. Язык является частью культуры и в то же время средством выражения культуры, они тесно взаимосвязаны, текст – носитель содержания произведения, которое передаётся с помощью языка. Текст хранит в себе коммуникативную содержательную информацию, передать которую можно с помощью языка. Но на язык в большой степени влияет сам текст, наполнение которого характеризуется историческими, этническими, культурологическими, религиозно-культовыми и другими чертами. Отсюда необходимость исследования дискурса языка произведения с опорой на дискурс текста, поскольку именно содержание и отличительные черты текста подсказывают, почему и с какой целью были отобраны те или иные языковые средства. Дискурс языка неразрывно связан с дискурсом текста, характеризующимся коммуникативной и информативной природой.

Дискурс Гэсэриады характеризуется динамичностью и связностью общего повествования, функциональной и прагматической направленностью, наличием идейно-художественной составляющей, мировоззренческих установок, а также своеобразным стилистическим обликом, общими местами и эпическими формулами. В эпосе можно изучить вопросы лингвистической презентации фоновых знаний, особенности экстралингвистических факторов, представления о структуре идейно-художественных средств. Дискурс произведения включает историко-этническую характеристику, идеологическую ангажированность произведения, героический характер, воспитывающий патриотические чувства. Выдвигается мысль о том, что экстралингвистический фактор в большой степени помогает понять и осмыслить сложные явления языка произведения, поэтому параллельное изучение интралингвистических и экстралингвистических факторов в эпическом произведении представляется перспективным и плодотворным. Экстралингвистический дискурс вбирает в себя вопросы, связанные с происхождением, датированием и развитием, этно-исторической характеристикой, а также мифологическими, анимистическими, тотемистическими, сказочно-волшебными, магическими и другими представлениями культово-религиозного сознания, познавательным и воспитательным аспектами. Сказание свидетельствует о том, что мышление раннего человека было конкретным, нерасчлененно-целостным, синкретическим. Постепенно его мышление менялось, оно становилось более абстрактным, дифференцированным. Образ природы является одним из основных элементов в поэтике и сюжете произведения.

Историко-этнические связи Гэсэриады имеют большое значение в уяснении сложных вопросов лингвистического дискурса. Вопрос о дискурсе можно соотнести с сущностью таких понятий, как план содержания и план выражения в языкознании. План содержания перекликается с экстралингвистическим дискурсом, если добавить к нему ещё и план смысла, декодирования символов. План выражения или языковой дискурс – это собственно язык со своими разделами. Стилистический облик дискурса создаётся с помощью лексических, синтаксических средств, различных аспектов риторики, эмоционально-оценочных слов. Языковой дискурс также может в большой степени помочь разобраться во внеязыковом или экстралингвистическом дискурсе. Экстралингвистический дискурс во многих случаях предшествует дискурсу лингвистическому, поскольку в такой последовательности легче интерпретировать вопросы отбора тех или иных языковых средств. Отбор языковых средств зависит от того, что, где, как и когда, у какого народа, племени или рода возникло и было отображено и выражено.

В результате проведения сравнительного анализа вариантов сказания о Гэсэре на старописьменном монгольском языке, а также освещения истории текста сказания на основе анализа дошедших до нас материалов по методике сравнительно-текстологического анализа мы пришли к следующим основным выводам.

1. Среди монгольских списков Гэсэриады наибольшее распространение получил ксилограф 1716 года. Данная версия составляет так называемую первую часть Гэсэриады, включающую семь глав. Помимо них имеется большое количество списков, содержащих «дополнительные» главы или «вторую часть» Гэсэриады. «Дополнительные» главы представлены в опубликованных и неопубликованных списках. В настоящее время насчитывается более шестидесяти списков монгольской версии. Несмотря на некоторые несовпадения, обе части Гэсэриады образуют одно произведение, объединенное одним главным героем с одними и теми же второстепенными персонажами, с одной основной идеей. Главы характеризуются более или менее устойчивой хронологической последовательностью, сделана попытка связать главы в плане биографической и генеалогической циклизации. Наблюдается попытка связать главы между собой путем связывания содержания соседних глав. Все главы объединены одной темой борьбы с врагами. Списки свидетельствуют о том, что эпос развивался постепенно, обогащался новыми главами.

2. Главы первой части в композиционном отношении характеризуются единой последовательностью, которая отражена в ксилографическом издании и закреплена им. Подобная устойчивость порядка отнюдь не характерна для «дополнительных» глав. Они расположены в неодинаковой последовательности в разных списках, различаются они также и наличием той или иной из них в списке. Нумерация глав подчас не соответствует фактическому месту главы в рукописи. Композиционная неоднородность списков свидетельствует об эволюции эпоса, о длительном бытовании рукописей, о постепенном развитии сказания. Списки монгольской Гэсэриады также различаются своей идейной направленностью. В некоторых вариантах глав чувствуется влияние буддийской обработки. Примером могут служить списки глав о черно-пестром тигре и Лобсага.

3. Основной сюжетный корпус Гэсэриады, как показывает анализ различных версий, покоится на общей основе. Общая сюжетная линия характерна для основных монгольских, бурятских, тибетских, монгорских и других версий, а также для книжных вариантов эпоса, с одной стороны, и устных поэтических, с другой. Межэтнические, межрегиональные литературно-фольклорные связи обусловлены генетической и историко-типологической общностью, хотя эта общность никоим образом не исключает своеобразных, самобытных и специфических черт в каждой версии. Ядро сказания в каждой этнической среде развивалось по-своему; обрастало новыми деталями, получало соответствующую окраску в среде народа, у которого начинало бытование. Этим частично обусловлено многообразие списков. Для нас представляет важность выявление основного корпуса произведения, а также его специфических черт. Различия между списками Гэсэриады заключаются в различном объеме текстов, пропусках и перестановках эпизодов, наличии текстуальных расхождений лексического, стилистического, орфографического, диалектного характера. Эти расхождения, не меняя главной сюжетной канвы произведения, обеспечивают богатый материал для обсуждения вопроса об истории текста данного списка Гэсэриады. Наличие неодинаковых списков, их многочисленность и характер своеобразных индивидуальных черт в них свидетельствуют о длительном бытовании сказаний о Гэсэре в народной среде, об эволюции текста, циклизации этого творения.

4. Если рассмотреть историю бытования текста «Гэсэра», то вырисовывается следующая картина. Вначале бытовали отдельные рукописи, базирующиеся, возможно, на определенных устных сказаниях. Это были сюжеты о рождении героя, шарайгольской войне, двенадцатиголовом мангусе, поездке в Китай. Они были

скомпонованы и изданы ксилографическим способом в 1716 году. Теперь отдельные фрагменты стали рассматриваться как единое целое. Это был результат начавшейся циклизации эпоса. Присоединение к ксилографу рассказа о битве с Андулма-ханом способствовало дальнейшей циклизации. Чаще всего данная глава следовала за седьмой главой ксилографа. В некоторых списках ее располагали за пятой главой, но данная последовательность глав не была логичной, так как в главе об Андулма-хане действуют богатыри Гэсэра, погибшие в пятой главе. Рамка из семи глав также оказалась устойчивой, она в редких случаях нарушается. Вследствие этого появились другие списки, обусловленные необходимостью логичного «оживления» богатырей, то есть к уже существующим главам была присоединена глава об оживлении богатырей, которая позднее заняла место перед главой об Андулма-хане. Далее главы возникали по одному и тому же сюжетно-композиционному шаблону и присоединялись к циклу. Так, в цикл оказались включенными главы о хане ракшасов, Кумбу-хане и Начин-хане. Следует отметить, что бытование этих трех «дополнительных» глав ограничивается МНР и Внутренней Монголией. Для глав Гэсэриады характерно несколько этапов бытования. Например, история текста главы об Андулма-хане представлена рукописями, которые можно охарактеризовать как: исходный текст; его списки, не дошедшие до нас; их сохранившиеся списки; первичные редакции; вторичные редакции.

5. Можно наметить следующие этапы циклизации сказания:

– Бытование отдельных сюжетов текста, попытки объединения в цикл, происходившие, очевидно, до начала XVIII века.

– Появление стройного цикла из семи глав (1716 год).

– Присоединение к циклу главы об Андулма-хане (приблизительно начало XIX века).

– Присоединение к циклу главы об оживлении богатырей (приблизительно конец первой половины XIX века).

– Включение в цикл глав о хане ракшасов, Кумбу-хане и Начин-хане (вторая половина XIX века).

Выявлен ряд конкретных текстологических примет текстов, к которым можно обратиться при характеристике новых списков (в случае их обнаружения, что не исключается) и установлении их отношения к известным спискам.

Некоторые списки книжного сказания о Гэсэре обнаружены на территории Бурятии. Эти списки относятся, главным образом, к началу XIX века, но это не исключает возможности распространения их среди бурят и ранее этого периода. Сопоставительный текстологический анализ показывает, что «бурятские» списки на старописьменном монгольском языке приобрели свои специфические черты в результате длительного бытования в среде местного населения. Различия, главным образом, касаются стиля, языка, орфографии, редко сюжета.

Список литературы

1. Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 239 с.
2. М-П-827. Ау-а deger-e Esürin Qurmusta tngri-yin köbügün qubilgan bey-e-tü Geser bogda qagan tuuji kemegekdü yeke külinggin sudur orsiba // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (г. Улан-Удэ). Ф. М-П. 26 л.
3. Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: в 2-х т. Репринтное издание 1893 г. СПб.: Альфарет, 2009. Т. II. 482 с.
4. Хомонов М. П. Монгольская Гэсэриада / отв. ред. С. Ш. Чагдуров; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. науч. центр. Ин-т обществ. наук. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. 129 с.
5. Чернышева Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 296 с.
6. Heissig W. Das "Scheuter" Geser-Khan-Manuscript // Zentral-asiatische Studien. Wiesbaden, 1971. Bd 5. S. 43-47.
7. Lörincz L. Geser-varianten in Ulan-Ude, Ulan-Bator und Leningrad // Acta Orientalia Hungaricae. Budapest, 1972. T. XXV. Fasc. 1-3. S. 175-190.
8. Stein R.-A. Recherches sur l'épopée et le bardre au Tibet. Paris, 1959. 646 p.

THE TEXTUAL CRITICISM OF THE RECORDS ABOUT GESER IN THE OLD MONGOLIAN WRITING

Khundaeva Elizaveta Ochirovna, Doctor in Philology

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
hundaeva@mail.ru

Badmatsyrenova Darima Bazarsadaevna, Ph. D. in Philology

Buryat State University
aldarbadma@gmail.com

The article reveals the originality of the Buryat-Mongolian literary creative work, and the features of the Buryat-Mongolian versions and variants of multilingual legends of Geser. The textual criticism of the Geseriada records on the old Mongolian script, among which the xylograph of 1716 was most widely used, is studied. The authors also reveal that the Geseriada includes the typical Buryat, Mongolian, Tibetan and other plots, as well as all-folklore and all-buddhistic ones. The main plot frame of the Geseriada is created on a common basis. The inter-ethnic, inter-regional literary-folkloric relations are conditioned by genetic and historical-typological commonality of the Buryats, Mongols, and Tibetans.

Key words and phrases: old Mongolian script; xylograph of 1716; all-folklore and all-buddhistic plots; literary and folklore relations; historical and typological commonality.